

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org).
Перевод уже был опубликован в 2009 году на сайте этой организации
(<http://www.srji.org/resources/search/111/>) Разрешение на публикацию перевода было дано
исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation
was published in 2009 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for
the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО “АСТАМИРОВА И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ”

(Жалоба №27256/03)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

26 февраля 2009 года

***Вступило в силу
14 сентября 2009 года***

Текст может быть дополнительно отредактирован

В деле “Астамирова и другие против России”

Европейский суд по правам человека (Первая секция), Палатой в следующем составе:

Кристос Розакис, *Президент*,

Нина Вайич,

Анатолий Ковлер,

Элизабет Штейнер,

Ханлар Хаджиев,

Дин Шпильманн,

Сверре Эрик Йебенс, *судьи*,

и Серен Нильсен, *Секретарь Секции*,

Заседая 5 февраля 2009 года за закрытыми дверями,

Вынес следующее постановление, принятое в последний вышеупомянутый день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№27256/03) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со Статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») семью гражданами Российской Федерации, указанными ниже («заявители») 11 июля 2003 года.

2. Заявителей в Европейском Суде представляли юристы "Правовой инициативы по России" (далее - “SRJI”), неправительственной организации с главным офисом в Нидерландах и представительством в России. Правительство Российской Федерации было представлено Г-ном П. Лаптевым и Г-жой В. Милинчук, бывшими представителями Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. Заявители жаловались, что их родственники пропали после задержания военными в Чечне 5 августа 2002 года. Заявители ссылались на Статьи 2, 3, 5, 13 и 14 Конвенции.

4. 29 августа 2004 года Президент Первой Секции вынес решение о приоритетном рассмотрении дела в соответствии с Правилем 41 Регламента Суда.

5. Решением от 13 марта 2008 года Суд объявил жалобу частично приемлемой.

6. Так как после консультаций со сторонами Суд принял решение не проводить слушаний по существу делу (Правило 59 § 3 *мелким шрифтом*), стороны дали письменные ответы на замечания друг друга.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Заявители являются родственниками.

- 1) Астамирова Румиса Зайндыевна, род. в 1978 г.;
- 2) Астамирова Зоя Хамзатовна, род. в 1944 г.;
- 3) Астамирова Роза Зайндыевна, род. в 1970 г.;
- 4) Алгириева Петимат Шаитовна, род. в 1976 г.;
- 5) Алгириева Хеда Асланбековна, род. в 2001 г.;
- 6) Алгириева Динара Асланбековна, род. в 2003 г.;
- 7) Астамирова Раиса Зайндыевна, род. в 1968 г.

8. Заявители проживают в селе Гехи Урус-Мартановского района Чечни.

А. Задержание родственника заявителей

9. Первая, третья и седьмая заявительницы - сестры Асланбека Зайндыевича Астамирова (1974 г. рождения). Вторая заявительница - мать Асланбека Астамирова. Четвертая заявительница - его жена, и пятая и шестая заявительницы - их несовершеннолетние дочери (шестая заявительница родилась в марте 2003 г.). Седьмая заявительница - глухонемая. Заявительницы утверждают, что их родственник Асланбек Астамиров болел туберкулезом в течение прошедших семи лет, и что ему требовалась регулярная медицинская помощь.

10. Заявители проживают в собственном шестикомнатном доме по адресу ул. Шерипова д. 45 в селе Гехи, Урус-Мартановского района. В том же дворе находится другой дом, принадлежащий семье брата Асланбека Астамирова, Алхе А.

11. Согласно показаниям заявительниц, 5 августа 2002 г., около 3-х часов утра, группа из приблизительно тридцати мужчин в масках и синем камуфляже проникла в дом заявительниц, используя силу. Заявительницы считают, что это были военнослужащие, поскольку они были вооружены автоматами и говорили по-русски без акцента. Военнослужащие не предъявили никаких удостоверяющих личность документов или документов, оправдывающих их действия, и не дали никаких объяснений.

12. Четвертая заявительница показала, что она спала в комнате со своим мужем, Асланбеком Астамировым и их несовершеннолетней дочерью, пятой заявительницей. Первая заявительница, сестра Асланбека Астамирова и две ее несовершеннолетние дочери находились в другой комнате, а вторая и седьмая заявительницы спали в другой комнате.

13. Четвертая заявительница показала, что она была разбужена в три часа ночи звуками русской речи в их дворе. Затем дверь в их комнату открылась, и четыре или пять мужчин в камуфляже и масках, вооруженные автоматами, вбежали в комнату. Они закричали «Лежать» и подошли к мужу заявительницы. Один из военнослужащих толкнул четвертую заявительницу в направлении стены, и она упала. Другой военнослужащий подал ей плачущего ребенка и приказал его успокоить и оставаться на месте.

14. Мужчины связали руки Асланбека Астамирова за спиной и вывели его из комнаты. Они взяли с собой его шлепанцы, брюки и рубашку. Двое мужчин остались в комнате и обыскали ее, но ничего не взяли. Один из них нашел паспорт Асланбека Астамирова и взял его с собой. Тогда четвертой заявительнице разрешили выйти из ее комнаты во двор, где она увидела свояченицу и свекровь. Военнослужащие уехали, приказав им молчать. Приблизительно пять минут спустя электричество в селе отключилось, и заявительницы вернулись домой. Они показали, что злоумышленники оставались в их доме в течение приблизительно двадцати - двадцати пяти минут.

15. Первая заявительница показала, что спустя приблизительно пять минут после того, как мужчины и ее брат уехали, они слышали звук военного грузовика Урал, уезжающего в направлении главной дороги. Они не последовали за вооруженными мужчинами на улицу, потому что не было электричества, и потому что они боялись.

16. Заявительницы показали, что следующим утром соседи сказали им, что они видели бронированный транспорт для перевозки людей и военный вездеход УАЗ в селе. Они также показали, что оба выхода из села на главной дороге контролировались русскими военными, и что действовал комендантский час, так что никакое движение транспортных средств или такой большой группы людей не было возможно без согласия военнослужащих на контрольно-пропускных пунктах. Заявительницы представили копию объявленного приказа командующего вооруженными силами Урус-Мартановского района №263 от 25 сентября 2001 г., согласно которому комендантский час в районе был установлен между 20:00 и 6 утра.

17. Заявительницы не получали никакой информации относительно Асланбека Астамирова с 5 августа 2002 г.

18. Правительство в его объяснениях не отрицало большую часть фактов, представленных заявительницами. Оно заявило, что было установлено, что 5 августа 2002 г. приблизительно в 3 утра неопознанные мужчины, в камуфляже и вооруженные автоматами, вторглись в дом заявительниц и забрали Асланбека Астамирова в неизвестном направлении. Его местонахождение не могло быть установлено. Правительство возразило против термина "военнослужащие", используемого заявительницами, потому что, по их мнению, не было никаких оснований полагать, что люди, которые схватили Астамирова, были военнослужащими Российской Федерации.

19. Правительство также оспорило показания заявительниц о присутствии военных транспортных средств той ночью. Оно утверждало, что показания, полученные в течение расследования от жертв и свидетелей преступлений, не упоминали военные транспортные средства. Правительство не представило копий каких-либо документов, на которые оно ссылалось (см. ниже).

В. Поиски Асланбека Астамирова и расследование

20. Немедленно после похищения Асланбека Астамирова заявительницы начали искать его. Утром 5 августа 2002 г. первая и вторая заявительницы, сопровождаемые Алхой А. и другим мужчиной, направились в Урус-Мартан. Они обратились к военному коменданту района, к главе администрации района и другим властям, но не смогли ничего узнать о похищенном. После этого в течение приблизительно двух недель заявительницы и их родственники продолжали ежедневно ездить в Урус-Мартан в надежде узнать что-нибудь о Асланбеке Астамирове, а также в надежде, что он будет освобожден, потому что, как показала первая заявительница, они были уверены, что он был задержан по ошибке. Первая заявительница также утверждала, что они боялись просить о возбуждении уголовного дела, потому что они думали, что это, возможно, повредило бы ее брату. По словам первой заявительницы, они подали заявление в прокуратуру только спустя две недели после ареста.

21. Заявительницы много раз, как лично, так и в письменной форме, обращались к прокурорам различных уровней, в Министерство внутренних дел, к административным властям и общественным деятелям. Первая заявительница несколько раз ходила смотреть на неопознанные тела, найденные в Урус-Мартане и Грозном. В письмах к властям заявительницы излагали обстоятельства исчезновения г-на Астамирова и просили о помощи и информации о ходе расследования. Большинство этих запросов оставалось без ответа, а на остальные были получены только формальные ответы, согласно которым, вышеупомянутые запросы были переданы в службы различных прокуроров "для рассмотрения". Заявительницы не сохранили копий всех писем, в частности отправленных в течение первых месяцев после похищения, но они представили некоторые из них Суду. Ниже краткий обзор их переписки с властями.

22. 10 ноября 2002 г. вторая заявительница написала в Генеральную Прокуратуру, в Отдел Генеральной Прокуратуры по Южному Федеральному Округу, военному прокурору Чечни, в Национальную общественную комиссию по расследованию правонарушений и соблюдению прав человека на Северном Кавказе и члену Государственной Думы от Чечни. Она изложила обстоятельства исчезновения ее сына и попросила помочь установить его местонахождение. Она подчеркнула, что Асланбек Астамиров страдал от туберкулеза и нуждался в медицинской помощи. Она упомянула, что она обращалась в прокуратуру Урус-Мартановского района, но не получила никакой информации о пропавшем мужчине.

23. 20 ноября 2002 г. прокуратура Урус-Мартановского района передала жалобу второй заявительницы в Урус-Мартановский районный отдел внутренних дел (РОВД) на проверку.

24. 6 декабря 2002 г. (или 1 января 2003 г. - см. ниже), прокуратура Урус-Мартановского района возбудила уголовное дело №34001 о похищении Асланбека Астамирова 5 августа 2002 г. неизвестными вооруженными людьми, в камуфляже и масках. Расследование было начато в связи с

похищением, совершенным группой лиц по Статье 126 части 2 Уголовного кодекса.

25. 12 декабря 2002 г. прокуратура Урус-Мартановского района вызвала Марет Т., жену Алхи А., для дачи свидетельских показаний.

26. 13 января 2003 г. первая заявительница была признана потерпевшей по уголовному делу о похищении ее брата.

27. 20 января 2003 г. военный прокурор войсковой части 20102 (базирующейся в Ханкале, главной российской военной базе в Чечне) сообщил второй заявительнице, что расследование должно проводиться местной прокуратурой района, если не было установлено, что служащие Министерства обороны или Внутренних войск Министерства внутренних дел были вовлечены в преступление.

28. 7 апреля 2003 г. первая заявительница попросила прокуратуру Урус-Мартановского района предоставить ей информацию о ходе расследования уголовного дела №34001 о похищении ее брата.

29. 3 июня 2003 г. прокуратура ЧР передала жалобу четвертой заявительницы о неэффективности расследования похищения ее мужа в прокуратуру Урус-Мартановского района и проинструктировала их информировать прокуратуру ЧР о ходе расследования.

30. 20 июня 2003 г. прокуратура Урус-Мартановского района сообщила «Правовой инициативе», что 1 марта 2003 г. расследование уголовного дела №34001 было приостановлено из-за невозможности установить причастных к преступлению. В письме также было заявлено, что РОВД был проинструктирован, принять "более активные меры", чтобы раскрыть преступление.

31. 29 сентября 2003 г. первая заявительница написала в прокуратуру Урус-Мартановского района и попросила предоставить ей доступ к материалам дела №34001.

32. 17 декабря 2003 г. и 6 января 2004 г. прокуратура Чечни сообщила «Правовой инициативе», в идентичных письмах, что уголовное дело о похищении Асланбека Астамирова было возбуждено прокуратурой Урус-Мартановского района 1 января 2003 г., а затем приостановлено 1 марта 2003 года. 15 декабря 2003 г. расследование было возобновлено, и все необходимые шаги, чтобы найти г-на Астамирова и идентифицировать преступников, были предприняты.

33. 16 февраля 2004 г. «Правовая инициатива» попросила прокуратуру Чечни и прокуратуру Урус-Мартановского района разъяснить, было ли уголовное дело о похищении Асланбека Астамирова возбуждено 6 декабря 2002 г. или 1 января 2003 г. «Правовая инициатива» также попросила сообщить о ходе расследования.

34. 23 июня 2005 «Правовая инициатива», действуя от лица второй заявительницы, попросила прокуратуру Урус-Мартановского района предоставить им информацию о дате, когда уголовное дело было возбуждено, сообщить о ходе расследования и позволить второй заявительнице как потерпевшей получить доступ к материалам дела.

35. 12 июля 2005 г. прокуратура Урус-Мартановского района сообщила второй заявительнице и «Правовой инициативе», что расследование

преступления продолжается, и что она может получить доступ к материалам дела в прокуратуре района.

36. Заявительницы показали, что они не получили никакой дополнительной информации о расследовании похищения Асланбека Астамирова, и что они не знали о точной дате возбуждения уголовного дела.

37. Заявительницы показали, что в результате тяжелого потрясения после исчезновения сына здоровье второй заявительницы значительно ухудшилось, и что она часто не могла встать с постели.

С. Информация, предоставленная Правительством

38. В своих замечаниях Правительство не оспаривало информацию относительно расследования похищения Асланбека Астамирова, как она была представлена заявителями. Ссылаясь на данные Генеральной прокуратуры, оно указало на другие меры, предпринятые следствие и которые не были упомянуты заявителями. Однако, несмотря на специальный запрос Суда, копии большинства документов, на которые оно ссылается, представлены не были (см. далее). Правительство сообщило следующее. В ответ на специальный запрос Суда, Правительство представило следующую информацию о ходе расследования.

39. Уголовное дело о похищении г-на Астамирова было возбуждено 1 января 2003 г. прокуратурой Урус-Мартановского района.

40. Первая заявительница была допрошена следователями 13 января 2003 г., и затем повторно в неуказанные даты. 13 января 2003 г. ей предоставили статус потерпевшей по уголовному делу о похищении ее брата. Согласно Правительству, первая заявительница заявила, что она и другие члены семейства не были подвергнуты насилию, и что никакие ценности не были взяты из дома. Она также заявила, что они не видели транспортных средств, которые использовали похитители.

41. Кроме того, Правительство заявило, что 28 июля 2005 г. следователи допросили и предоставили статус потерпевшей второй заявительнице, матери Асланбека Астамирова. Согласно Правительству, она заявила, что она не обращалась к правоохранительным органам в течение нескольких месяцев, потому что они надеялись, что сын возвратится. Она также заявила, что похитители не повредили дверь в дом и не произвели никаких выстрелов.

42. Согласно Правительству, четвертая заявительница была допрошена 9 января 2003 г. Она показала, что 5 августа 2003 г. приблизительно в 3 часа утра неизвестные вооруженные мужчины в масках ворвались в их дом и забрали ее мужа. Ему разрешили одеться. Никакие ценности не были взяты.

43. Правительство также заявило, что 10 января 2003 Марха Т., невестка Асланбека Астамирова, была допрошена и подтвердила его похищение.

44. Правительство указало, что другой член семьи была допрошена в июле 2006 года; они показали, что один из людей, ворвавшихся в их дом 5 августа 2006 г., был вооружен снайперской винтовкой. Она добавила, что не смогла бы опознать никого, так как все мужчины были в масках.

45. Правительство утверждало, что в марте и апреле 2006 г. следователи допросили, по крайней мере, семь соседей заявительниц, которые показали, что той ночью видели группу вооруженных мужчин в масках, идущих по улице Шерипова. Они не видели никаких специальных транспортных средств или автомобилей вокруг. Позже они узнали о похищении Асланбека Астамирова. В июле 2006 года один из соседей был допрошен и показал, что в ночь 5 августа 2006 г. слышал шум машин на улице и видел примерно десять человек в камуфляжной форме и масках, которые шли по улице Шерипова в сторону дома Астамировых. Следователи допросили еще четырех соседей в июле 2006 года, которые ничего не слышали в указанную ночь.

46. Также в апреле 2006 следователи допросили прежнего главу администрации Урус-Мартановского района. Он заявил, что он получил много запросов от родственников пропавших людей, но он не мог вспомнить дело заявителей.

47. Согласно разъяснениям Правительства, следователи также затребовали информацию об исчезновении Астамирова от различных государственных органов. 19 декабря 2003 отдел Федеральной Службы безопасности Урус-Мартановского района заявил, что их служба не задерживала Астамирова и не проводила расследования его действий. Министерство внутренних дел Чечни также ответило в неуказанную дату, что их представители не задерживали родственника заявительниц и не проводили никакого расследования относительно него. Также в неуказанные даты все районные отделы Министерства внутренних дел в Чечне сообщили следствию, что они никогда не задерживали Асланбека Астамирова и не помещали его в камеру предварительного заключения. 4 февраля 2006 г. изолятор временного содержания в Чечне ИЗ-20/1 сообщил следствию, что пропавший мужчина никогда не содержался там. В апреле 2006 года из центра предварительного содержания Южного Федерального округа сообщили, что Астамиров у них не содержится.

48. После 2006 года различные правоохранительные органы Объединенной группировки войск информировали следователей о том, что они не имели данных о проведении спецоперации в селе Гехи 5 августа 2006 г.

49. Следствие не смогло установить местонахождение Асланбека Астамирова. Следственные органы посылали запросы в компетентные государственные службы и предпринимали другие шаги, чтобы раскрыть преступление. Следствие не обнаружило никаких доказательств причастности "специальных подразделений" к преступлению. Правоохранительные органы Чечни никогда не арестовывали и не задерживали Астамирова по уголовным или административным обвинениям и не производили расследования в его отношении. Никакие специальные операции не производились относительно родственника заявительниц.

50. Правительство также отметило, что следствие не нашло никаких доказательств, подтверждающих показания четвертой заявительницы, что с нею жестоко обращались во время ареста ее мужа.

51. Относительно жалобы заявительниц о неспособности получить доступ к материалам дела, Правительство отметило, что потерпевшие получили право доступа к материалам расследования после того, как расследование было закончено. Так как расследование все еще продолжалось, и время от времени приостанавливалось, потерпевшим нельзя было предоставить доступ ко всем материалам дела. Кроме того, Правительство отметило, что в июле 2005 г. заявительницам и их представителям было предложено изучить материалы дела в прокуратуре района.

52. Правительство заявило, что расследование похищения Асланбека Астамирова приостанавливалось и возобновлялось неоднократно. Последнее решение возобновить расследование было принято 30 марта 2006 г. Заявительницы были должным образом проинформированы об этом. Расследование велось под контролем Генеральной прокуратуры.

53. Несмотря на запросы Суда, Правительство не представило копии материалов уголовного дела №34001, а предоставило только копии решений приостановить и возобновить расследование и предоставить статус потерпевшей, а так же уведомлений заявительницам о приостановке и возобновлении расследования. Основываясь на информации, полученной из Генеральной прокуратуры, Правительство заявило, что расследование продолжается, и что раскрытие документов будет нарушением Статьи 161 Российского Уголовно-процессуального кодекса, так как документы содержат информацию военного характера и личные данные свидетелей и других участников уголовно-процессуальных действий.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

54. Обзор соответствующего национального законодательства см. в деле *Akhmadova and Sadulayeva v. Russia*, no. 40464/02, § 67-69, 10 мая 2007.

ПРИМЕНЯЕМЫЕ НОРМЫ ПРАВА

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

A. Доводы сторон

55. Правительство утверждало, что жалобу следует признать неприемлемой из-за неисчерпания внутригосударственных средств. Оно утверждало, что расследование по делу исчезновения Асланбека Астамирова еще не окончено. Оно также утверждало, что заявители не воспользовались своим правом потерпевших по уголовному делу, а именно не подавали жалобы и запросы следователям или в суд. Они могли обжаловать постановления органов следствия в суде. Правительство также утверждало, что заявители могли подать гражданский иск в суд с целью компенсации морального и материального ущерба. .

56. Заявители оспорили это возражение. Они утверждали, что расследование уголовного дела оказалось неэффективным, и это, по их мнению, делало все их жалобы, в том числе напрасными. Они также сослались на существующую практику не расследования преступлений, совершенных представителями Государства в Чечне и указали на другие дела о подобных преступлениях, рассматриваемых Судом, и на доклады различных неправительственных организаций и международных инстанций.

В. Оценка суда

57. В настоящем деле Суд не принял на стадии приемлемости никакого решения относительно исчерпания внутригосударственных средств защиты, сочтя этот вопрос тесно связанным с существом дела. Далее Суд приведет свою оценку аргументов сторон в свете положений Конвенции и соответствующей практики Суда (см. их обобщенное изложение в деле *Estamirov and Others v. Russia*, по. 60272/00, § 73-74, 12 октября 2006).

58. Суд обращает внимание, что российская правовая система предусматривает, в принципе, два пути обращения за помощью для жертв незаконных и преступных действий Государства или его агентов, а именно, гражданские и уголовные средства защиты.

59. Что касается гражданского иска, Суд уже решил во множестве подобных дел, что эта процедура сама по себе не может быть расценена как эффективное средство в контексте жалоб, поданных по Статье 2 Конвенции. (см. *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, № 57942/00 и №57945/00, §§ 119-121, 24 февраля 2005, и *Estamirov and Others*, цит. выше, § 77). В свете этого, Суд заключает, что заявители не были обязаны использовать гражданский иск. Таким образом, предварительное возражение в этом отношении отклонено.

60. Что касается средств защиты уголовного права, Суд указывает, что заявители жаловались в правоохранительные органы после похищения Асланбека Астамирова на то, что расследование длится с декабря 2002 г. Заявители и Правительство спорят по вопросу эффективности этого расследования.

61. Суд считает эту часть предварительных возражений Правительства вызывающей сомнения с точки зрения эффективности расследования уголовного дела, что тесно связано с существом жалоб заявителей. Поэтому Суд полагает, что данные вопросы должны быть рассмотрены ниже в свете материальных положений Конвенции.

II. ОЦЕНКА СУДОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТОВ

А. Доводы сторон

62. Заявители утверждали, что представители Государства должны быть признаны ответственными за незаконное задержание и убийство Асланбека Астамирова. Они заявили, что с момента исчезновения их родственника прошел очень большой период, что может означать, что его нет в живых. Это предположение также поддерживалось обстоятельствами ареста,

которые должны расцениваться как угрожающие жизни. Заявители утверждали, что их родственник был задержан в ходе проведения спецоперации. В подтверждение своих жалоб они сослались на то, что похитители говорили по-русски без акцента, были одеты в камуфляжную форму и вооружены автоматическим оружием. Более того, похитители прибыли поздно ночью, что означает, что они имели право свободно передвигаться во время комендантского часа, не смотря на наличие блокпостов в селе. Заявители утверждали, что Правительство отказалось представить копии материалов уголовного дела, а также они указали, что Правительство не дало какие-либо объяснений вне разумного сомнения, что представители Государства не были причастны к заявленному похищению и убийству Астамирова.

63. В своих замечаниях, поданных в апреле 2006 г., Правительство заявило, что было установлено, что 5 августа 2002 г. «неизвестные вооруженные люди в камуфляжной форме» задержали Асланбека Астамирова. Расследование дела продолжается, и нет никаких доказательств, что именно представители Государства причастны к этому задержанию и предполагаемому нарушению прав заявителей. Нет никакой информации о проведении спецоперации в селе Гехи в указанный день. Правительство сослалось на ряд других уголовных дел, согласно которым чеченские боевики были одеты в камуфлированную форму, вооружены и использовали документы, свидетельствовавшие об их принадлежности спецслужбам. В своих замечаниях, поданных в мае 2008 г., Правительство также указало на расхождения в показаниях заявителей, направленных в Суд и сделанных перед внутренними органами власти. Правительство обратило внимание на то, что четвертая заявительница сообщила Суду, что мужчины, ворвавшиеся в ее комнату, толкнули ее к стене, и что она не давала подобную информацию следователям. Оно также указало на важные несоответствия в показаниях, данных следователям, относительно описания одежды, в которую был одет Астамиров в день задержания. Правительство отметило противоречия в описании заявителями и свидетелями одежды и оружия преступников, данных Суду и следствию. Правительство заключило, что объяснения заявителей были настолько запутанными и противоречивыми, что свидетельствовало об их надуманности. С учетом этого, власти Российской Федерации не могут нести ответственность за предполагаемое преступление в отношении Астамирова. Нельзя исключить и того, что Асланбек Астамиров добровольно покинул село или сбежал, тем более что его родственники не обратились с ходатайством к властям немедленно после его предполагаемого задержания.

В. Статья 38 § 1 (а) и последующие выводы, сделанные Судом

64. Суд неоднократно повторял, что Договаривающееся Государство обязано предоставить Суду все необходимые материалы и что отказ Правительства предоставить такую информацию, которая находится в его руках, без удовлетворительного объяснения, может не только исказить картину выводов в сторону формальной правильности утверждений

заявителей, но и отрицательно отразиться на показателе соответствия Государства-ответчика требованиям Статьи 38 § 1 (а) Конвенции (см. *Timurtaş v. Turkey*, no. 23531/94, § 66, ECHR 2000-VI).

65. В настоящем деле заявители утверждали, что их родственник был незаконно арестован властями и затем исчез. Они также утверждали, что не было проведено надлежащее расследование. Ввиду этих утверждений, Суд попросил Правительство предоставить материалы уголовного дела, возбужденного по факту похищения. Доказательства, содержащиеся в нем, были расценены Судом как необходимые для установления фактов настоящего дела.

66. Правительство отказалось предоставить материалы уголовного дела, ссылаясь на Статью 161 УПК РФ. Правительство также указало на то, что процедура Суда не может гарантировать конфиденциальности представленных материалов в отсутствие санкций в отношении заявителей за раскрытие секретной информации.

67. Суд отмечает, что Правило 33 § 2 Правил Суда допускает ограничение принципа публичности в отношении подаваемых в Суд документов по законным основаниям, таким, как защита национальной безопасности и частной жизни сторон, а также интересы правосудия. Суд не может установить, содержали ли материалы уголовного дела, в действительно, информацию такого рода, так как Правительство не просило о применении данного Правила по названной жалобе, и обязательство конфиденциальности является существенной частью такого запроса.

68. Далее Суд отмечает, что он уже устанавливал в целом ряде своих постановлений, что положения Статьи 161 УПК не запрещают предоставление кому-либо документов по делу до окончания следствия, но устанавливают порядок и ограничения такого раскрытия информации (см. *Mikheyev v. Russia*, no. 77617/01, § 104, от 26 января 2006 года, и *Imakayeva v. Russia*, no. 7615/02, § 123, ECHR 2006 ... (выдержки)). По этим причинам Суд считает объяснения Правительства недостаточными для обоснования отказа раскрыть ключевую информацию, запрашиваемую Судом.

69. Ссылаясь на важность сотрудничества Государства-ответчика с Судом в ходе рассмотрения жалоб на предполагаемые нарушения Конвенции, Суд отмечает, что в данном случае имеет место нарушение предусмотренного Статьей 38 § 1 (а) Конвенции обязательства предоставления Суду всех материалов, необходимых для установления фактов.

С. Оценка фактов Судом

70. Суд ссылается на ряд выработанных им общих принципов относительно установления фактов в случае спора и, в особенности, в случае заявлений об исчезновении в контексте Статьи 2 Конвенции (краткое описание этих принципов см. в решении по делу *Bazorkina v. Russia*, №69481/01, §§ 103-109, от 27 июля 2006 года). Суд также отмечает, что необходимо принять во внимание поведение Сторон при сборе доказательств (см. *Ireland v. the United Kingdom*, постановление от 18 января

1978, Series A № 25, стр. 64-65, § 161). В свете этого и с учетом вышеназванных принципов Суд считает, что из поведения Правительства можно сделать выводы относительно обоснованности утверждений заявителей. Поэтому Суд переходит к рассмотрению ключевых элементов настоящего дела, которые должны быть приняты во внимание при установлении того, следует ли считать родственников заявителей умершими и можно ли отнести их смерть на счет действий властей.

71. Заявители утверждали, что именно военнослужащие увели Асланбека Астамирова 5 августа 2002 года.

72. Правительство настаивало на том, что лица, похитившие Асланбека Астамирова, были членами незаконных бандформирований. Оно также предположило, как вариант, что он мог добровольно покинуть дом. Однако эти утверждения не были подтверждены никакими материалами. Суд подчеркивает, что оценка доказательств и установление фактов является задачей Суда, и на него возлагается обязанность оценить доказательственную значимость представленных документов (см. *Zelkibilek v. Turkey*, № 27693/95, § 71, 31 м 2005).

73. Суд указывает, что версия заявителей подтверждена показаниями свидетелей, собранными самими заявителями и следствием. Заявители подтвердили, что похитители действовали таким же образом, как при проведении спецоперации: они проверяли паспорта местных жителей, говорили между собой и с заявителями на русском языке. Некоторые свидетели ссылались на использование военных машин, таких как БТР, которые не могут быть использованы членами бандформирований (см., например, пункт 16 выше). В своих жалобах властям заявители последовательно указывали, что их родственник был задержан неизвестными военнослужащими и просили следствие предпринять все возможные меры для его розыска.

74. Суд полагает, что тот факт, что большая группа вооруженных людей в военной форме, могла свободно передвигаться на военной технике по местности во время комендантского часа, проверять документы и задержать человека в его собственном доме, очевидно поддерживает предположение заявителей о том, что это были представители Государства. Внутреннее расследование также принимало к рассмотрению версию, представленную заявителями, и проводило мероприятия для проверки причастности правоохранительных органов к задержанию. Правительством не были представлены какие-либо дополнительные сведения и доказательства по данным преступлениям, а также оно не разъяснило, что было сделано для установления личностей преступников.

75. Суд замечает, что в случаях, когда заявитель представляет доказательства, достаточные при отсутствии опровержения (*prima facie*), и Суд не может сделать выводов о фактах дела вследствие отсутствия таких документов, Правительство должно предоставить объяснения, почему запрашиваемые документы не могут служить доказательством утверждений, сделанных заявителями, или обеспечивать удовлетворительное и убедительное объяснение того, как рассматриваемые события произошли. Бремя доказывания, таким образом, переходит к Правительству, и если оно

терпит неудачу в своих аргументах, возникнут вопросы по Статье 2 и/или Статье 3 (см *Toğcu v. Turkey*, no. 27601/95, § 95, 31 мая 2005, и *Akkum and Others v. Turkey*, no. 21894/93, § 211, ECHR 2005 II).

76. Правительство усомнилось в достоверности показаний заявителей, касающихся описания похитителей и одежды задержанного лица, а также некоторых деталей в последовательности событий задержания. Суд повторяет, что Правительство не представило Суду копии свидетельских показаний заявителей и соседей, на которые оно ссылалось. Таким образом, Суд не имеет возможности оценить их достоверность и логичность. С точки зрения Суда, сам по себе факт, что после нескольких лет показания заявителей о событии, имеющем чрезвычайно болезненное и стрессовое воздействие, имели незначительные различия в деталях, по сути, не является достаточным, чтобы сомневаться в правдивости их показаний.

77. Принимая во внимание вышеупомянутые элементы, Суд удовлетворен, что заявители представили доказательства, достаточные при отсутствии опровержения (*prima facie*), что их родственник был задержан Государственными служащими. Заявление Правительства, что следствие не нашло никаких доказательств причастности спецслужб к похищению, недостаточно, чтобы освободить его от вышеупомянутого бремени доказывания. Делая выводы из отказа Правительства представить документы, которые были в его исключительном владении или предоставить другое убедительное объяснение рассматриваемых событий, Суд, полагает, что Асланбек Астамиров был арестован 5 августа 2002 года в его доме в селе Гехи представителями Государства в ходе не признаваемой спецоперации.

78. О родственнике заявителей не было никаких известий с 5 августа 2002 года. Его имя не значится в официальных списках задержанных. Наконец, Правительство не представило никаких объяснений того, что с ним случилось после задержания.

79. Суд, принимая во внимание рассмотренные ранее дела, предполагает, что феномен «исчезновений» хорошо известен в Чечне (см. среди прочего, *Bazorkina*, цит. выше; *Imakayeva*, цит. выше; *Luluyev and Others v. Russia*, no. 69480/01, ECHR 2006-XIII; *Baysayeva v. Russia*, no. 74237/01, 5 апреля 2007; *Akhmadova and Sadulayeva*, цит. выше; и *Alikhadzhiyeva v. Russia*, no. 68007/01, 5 июля 2007). Суд считает, что в контексте конфликта в Чеченской Республике, если кого-то задерживают неустановленные военнослужащие, а затем факт задержания не признается, это можно рассматривать как угрожающую жизни ситуацию. Отсутствие Асланбека Астамирова или каких-либо вестей о нем в течение более шести лет подтверждает это предположение. По указанным выше причинам Суд считает установленным с достаточной долей достоверности, что он должен быть признан умершим после безвестного задержания военнослужащими Государства.

80. Кроме того, в делах об исчезновениях Суд уже находил предосудительным, что не было проведено всестороннее расследование фактов похищения внутренней прокуратурой или судом. Несколько документов уголовного дела, представленных Правительством, не

показывают, то какое-либо продвижение по делу было предпринято в течение нескольких лет и, таким образом, демонстрируют незавершенность и неадекватность процесса. Более того, такое поведение прокуратур и других правоохранительных органов после уведомления их заявителями о похищении родственника сыграло ключевую роль в исчезновении, так как необходимые меры не были предприняты в первые же дни и недели после задержания. Поведение властей перед лицом конкретных жалоб заявителей дает повод обоснованно предполагать, по крайней мере, попустительство преступлению и заставляет закономерно сомневаться в объективности расследования.

81. По указанным выше причинам Суд считает установленным, что Асланбек Астамиров должен быть признан умершим после безвестного задержания сотрудниками Государства.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

82. Заявители жаловались на нарушение Статьи 2 Конвенции в связи с тем, что их родственник исчез после задержания российскими военными, а государственные органы не провели эффективного расследования данного дела. Статья 2 гласит:

“1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- (a) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- (b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- (c) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа».

A. Предполагаемое нарушение права на жизнь в отношении Асланбека Астамирова

83. Судом уже установлено, что родственник заявителей должен считаться умершим после безвестного задержания представителями Государства, и что за его смерть ответственно Государство. В отсутствие какого-либо оправдания применения средств поражающей силы агентами Государства, Суд делает вывод, что имеет место нарушение статьи 2 Конвенции в отношении Асланбека Астамирова.

B. Предполагаемая неадекватность расследования обстоятельств похищения

84. Относительно процессуального обязательства по Статье 2 Заявители утверждали, что расследование данного дела об исчезновении не было

эффективным, и власти продемонстрировали неспособность продвинуть расследование в течение нескольких лет. Ряд следственных мер были проведены слишком поздно, а некоторые не были проведены совсем, например, установление и допрос сотрудников Государства, возможно причастных к преступлению. Заявители не имели доступа к материалам уголовного дела. Они призвали Суд сделать соответствующие выводы из отказа Правительства представить материалы уголовного дела им или Суду.

85. Правительство утверждало, что расследование исчезновения родственника заявителей соответствовало требованиям Конвенции об эффективности расследования, равно как и были предприняты все предусмотренные национальным законодательством меры для установления исполнителей преступления. Правительство указало, что заявители были признаны потерпевшими и имели возможность принимать участие в ходе расследования.

86. Суд много раз указывал, что обязанность защищать право на жизнь в соответствии со Статьей 2 Конвенции означает, что должно быть проведено эффективное официальное расследование в какой-либо форме всех случаев гибели людей в результате применения силы. Судом выработан ряд руководящих принципов, которые должны быть соблюдены при проведении расследования, чтобы оно соответствовало требованиям Конвенции (см. обобщенное изложение этих принципов в деле *Bazorkina v. Russia*, цит.выше, §§ 117-119).

87. В настоящем деле проводилось расследование по факту похищения. Суд должен оценить, соответствовало ли расследование требованиям Статьи 2 Конвенции.

88. Суд сразу же отмечает, что Правительством не была предоставлена большая часть материалов уголовного дела. Поэтому Суду придется оценивать эффективность расследования на основании тех немногих документов, которые были предоставлены сторонами, и информации о ходе следствия, которую сообщило Правительство.

89. Обращаясь к фактам дела, уже установлено, что заявители немедленно сообщили властям о похищении члена их семьи, хотя они не подали формальную жалобу в районную прокуратуру в течение двух недель после произошедшего. Хотя точная дата подачи этой жалобы не установлена, 10 ноября 2002 г. второй заявитель написал в некоторые органы власти жалобы на бездействие прокуратуры. Расследование было возбуждено 1 января 2003 г. (в ряде документов указывается дата 6 декабря 2002 г.). Даже если некоторые первоначальные промедления могли зависеть от заявителей, такая медленная реакция со стороны правоохранительных органов относительно известия о похищении Асланбека Астамирова, о котором они были оповещены, осталась без объяснений. Эта отсрочка сама по себе подрывает эффективность следствия по такому преступлению, как похищение при угрожающих жизни обстоятельствах. Очевидно, что как только следствие было возбуждено, первая и четвертая заявительницы, а также еще одна женщина-свидетель были допрошены. Первая заявительница была признана потерпевшей. Однако, как установлено, ряд важных следственных мероприятий были отсрочены или предприняты

только после коммуникации данной жалобы Правительству Государства-ответчика, или не проведены совсем.

90. В частности, суд отмечает, что, как следует из информации, представленной Правительством, другие родственники и свидетели событий были допрошены только в июле 2005 г., а затем в 2006 г. Представитель администрации Урус-Мартановского района был допрошен в апреле 2006 г. Информация из военных и правоохранительных органов была собрана в декабре 2003 г., а затем в 2006 г.

91. Очевидно, что эти следственные меры могли дать реальный результат лишь в том случае, если бы были предприняты сразу после сообщения властям о преступлении и возбуждения уголовного дела. Задержка с их производством, которой в данном случае нет объяснений, не только демонстрирует нежелание государства действовать по собственной инициативе, но является нарушением обязательства соблюдать максимальную добросовестность и оперативность в борьбе с такими серьезными преступлениями (см. *Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom*, №46477/99, § 86, ECHR 2002-II).

92. Некоторые существенные действия не были проведены. Из имеющихся материалов не явствует, что следствие пыталось установить и допросить кого-либо из военнослужащих, которые дежурили на блокпостах, контролирующих въезд и выезд из села, а также установить тех, кто проводили эту операцию в Гехи.

93. Суд также отмечает, что хотя двое заявителей были признаны потерпевшими по уголовному делу, их информировали только о приостановлении и возобновлении расследования и не уведомляли о других важных решениях. Это означает, что следователи отказались обеспечить должный уровень общественного контроля за расследованием или гарантировать легитимность интересов родственников потерпевшего по делу.

94. В заключение, Суд отмечает, что следствие приостанавливалось и возобновлялось несколько раз, и существовал длительный период бездействия, когда никакие мероприятия по делу не проводились.

95. Правительство настаивало на том, что у заявителей имелась возможность потребовать судебной проверки в ходе исчерпания внутригосударственных средств защиты. Суд отмечает, что заявителям не имели доступа к материалам уголовного дела и, будучи не информированными о ходе расследования, заявители не могли эффективно оспаривать действия или бездействия следственных органов перед судом. Более того, Суд обращает внимание, что эффективность расследования была подорвана уже на ранних стадиях следствия отказом властей предпринять необходимые и срочные следственные мероприятия; весьма сомнительно, что какие-либо средства могли бы быть успешными в таком случае. Поэтому Суд считает, что упомянутые Правительством средства уголовно-правовой защиты были неэффективными при таких обстоятельствах и отклоняет предварительное возражение, касающееся не исчерпания заявителями внутренних средств защиты с точки зрения уголовного расследования.

96. В свете вышесказанного, Суд заключает, что власти не провели тщательного и эффективного расследования обстоятельств исчезновения Асланбека Астамирова в нарушение Статьи 2 в ее процессуальной части.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

97. Заявители также утверждали, ссылаясь на Статью 3 Конвенции, что в результате исчезновения их родственника и не проведения Государством добросовестного расследования этих событий они испытывали душевные страдания. Статья 3 гласит:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию".

98. Правительство не согласилось с этими заявлениями на том основании, что отсутствуют данные, свидетельствующие о том, что родственник заявителем был похищен представителями Государства, не было оснований жаловаться на нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении душевных страданий заявителей.

99. По данному делу Суд отмечает, что заявители приходятся матерью, сестрами, женой и детьми исчезнувшего лица. Они присутствовали при его задержании. У них нет новостей о пропавшем на протяжении шести лет. В этот период заявители обращались в различные органы власти с запросами о члене своей семьи, как лично, так и письменно. Несмотря на эти попытки, они не получили приемлемого объяснения или информации о том, что произошло с ним после задержания. Ответы, полученные заявителями, преимущественно отрицали ответственность государства или просто информировали ее о том, что расследование продолжается. Указанные выше выводы Суда о процедурных аспектах Статьи 2 также имеют отношение и к данному вопросу. Кроме того, Суд подчеркивает, что суть подобных нарушений заключается в большей степени в том, какова реакция и позиция властей в момент, когда данная ситуация доводится до их сведения. Именно в силу этого последнего обстоятельства родственник может утверждать, что является непосредственной жертвой действий властей (см. *Orhan v. Turkey*, по. 25656/94, § 358, 18 июня 2002 года; и *Imakayeva*, цит. Выше, § 164).

100. В свете вышеизложенного Суд считает, что заявители испытывали и продолжают испытывать эмоциональный стресс и моральные страдания в результате исчезновения Асланбека Астамирова и неспособности выяснить, что с ним произошло. То, как власти реагируют на их жалобы, следует считать равносильным бесчеловечному обращению, нарушающему Статью 3.

101. Поэтому Суд приходит к выводу о том, что в отношении заявителей имеет место нарушение Статьи 3.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

102. Далее заявители утверждали, что Асланбек Астамиров был задержан в нарушение гарантий по Статье 5 Конвенции, которая в соответствующей части гласит:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию”.

103. По мнению Правительства, следствием не было получено доказательств, подтверждающих, что Асланбек Астамиров был задержан в нарушение гарантий, установленных Статьей 5 Конвенции. Он не значился в списках лиц, содержащихся в местах лишения свободы.

104. Суд ранее уже указывал на фундаментальную важность гарантий Статьи 5 для обеспечения права лица в демократическом государстве не подвергаться произвольному задержанию. Также отмечалось, что не признаваемое властями задержание лица является полным отрицанием названных гарантий и серьезнейшим нарушением Статьи 5 (см. *Çiçek v. Turkey*, № 25704/94, § 164, 27 февраля 2001 г., и *Luluyev*, цит. выше, § 122).

105. Суд считает установленным, что Асланбек Астамиров были задержаны агентами Государства 5 августа 2002 года и отсутствуют с тех пор. Его задержание не было признано властями и не было зарегистрировано в каких-либо записях о содержащихся под стражей лицах, а официальных сведений об их дальнейшем местонахождении и судьбе не имеется. Далее Суд считает, что власти должны были осознавать необходимость более тщательного и незамедлительного расследования жалоб заявителей на то, что их родственника задержали и куда-то увели при угрожающих жизни обстоятельствах. Однако приведенные выше рассуждения и выводы Суда в отношении Статьи 2, и в частности, характер

ведения следствия не оставляют сомнений в том, что власти не приняли незамедлительных и эффективных мер по их защите от риска исчезновения.

106. Следовательно, Суд считает, что Асланбек Астамиров подвергся неизвестному задержанию и был лишен гарантий, предусмотренных Статьей 5. Это является чрезвычайно серьезным нарушением права на свободу и безопасность, гарантированного Статьей 5 Конвенции.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

107. Заявители жаловались, что были лишены эффективных средств защиты в отношении вышеупомянутых нарушений, что противоречит Статье 13 Конвенции, которая гласит:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

108. Правительство утверждало, что заявительница имела эффективные национальные средства правовой защиты, как того требует статья 13 Конвенции, и что власти не препятствовали ей в использовании этих средств. Правительство ссылалось на Статью 125 Уголовно-Процессуального Кодекса РФ, согласно которой участник уголовного процесса может жаловаться в суд на действия, предпринимаемые в ходе расследования. Это считалось эффективным средством, гарантирующим права заявителей. Заявители не воспользовались этим средством, которое иницируется участниками уголовного процесса, и, следовательно, отсутствие судебного рассмотрения дела не составляет нарушение Статьи 13.

109. Суд напоминает, что при обстоятельствах, подобных обстоятельствам настоящего дела, когда расследование по делу, возбужденному по факту насильственной смерти, было неэффективным, из-за чего была подорвана эффективность любого другого имеющегося средства, включая гражданский иск, Государство не выполнило своих обязательств в рамках Статьи 13 Конвенции (см. *Khashiyev and Akayeva*, цит. выше, § 183)

110. Следовательно, имеет место нарушение Статьи 13 в связи со статьей 2 Конвенции.

111. Относительно жалобы заявителей на нарушение Статей 3 и 5 Конвенции, Суд считает, что при данных обстоятельствах не встает отдельный вопрос о нарушении Статьи 13 в связи со Статьями 3 и 5 Конвенции (см. *Kukayev v. Russia*, no. 29361/02, § 119, 15 ноября 2007, и *Aziyev v. Russia*, no. 77626/01, § 118, 20 марта 2008).

VII ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ

112. Заявители жаловались, что подверглись дискриминации при осуществлении своих прав, защищаемых Конвенцией, утверждая, что названные нарушения были связаны с тем, что они проживают в Чечне, и с

их чеченским этническим происхождением. Это противоречит Статье 14 Конвенции, которая гласит:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

113. Правительство оспорило этот аргумент, утверждая, что заявители никогда не подвергались дискриминации по какому бы то ни было признаку при пользовании правами и свободами, признанными Конвенцией.

114. Суд отмечает, что в его распоряжение нет доказательств, которые свидетельствовали бы об ином обращении с заявителями, нежели с другими людьми в аналогичной ситуации, без объективных и рациональных причин, а также доказательств того, что заявители когда-либо обращались с подобной жалобой к российским властям. Поэтому Суд находит, что по данной жалобе нет нарушения Статьи 14 Конвенции.

VIII ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

115. Статья 41 Конвенции устанавливает:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

A. Возмещение материального ущерба

116. Заявители потребовали компенсации материального ущерба в виду потери заработков Асланбека Астамирова после его ареста и последующего исчезновения. Второй заявитель потребовала 142.286,00 российских рублей (4.099,00 евро) в этой связи, четвертый заявитель потребовала 306.449,00 рублей (8.828,00 евро), пятый заявитель потребовала 150.648,00 рублей (4.340,00 евро) и шестой заявитель потребовала 169.465,00 (4.882,00 евро).

117. Они заявили, что Асланбек Астамиров был безработным на момент задержания и что в таком случае расчеты делаются на основе минимального прожиточного уровня, установленного национальным законодательством. Их расчеты основаны на актуарных таблицах для исчисления компенсационных выплат при травматизме и смертности от несчастных случаев, опубликованных Государственным актуарным департаментом Великобритании в 2004 году («Огденские таблицы - Ogden tables»). Заявители утверждали, что его жена, мать и дети могли полагаться на его финансовую поддержку. Они рассчитали заработки в указанный период, принимая во внимание средний уровень инфляции 10%, его жена и каждый из детей (до достижения совершеннолетия) могли рассчитывать на 20% его заработков.

118. Правительство посчитало данные требования сомнительными и необоснованными. Оно также подчеркнуло, что заявители должны были

обратиться в национальный суд за компенсацией материального ущерба в связи с потерей кормильца.

119. Суд повторяет, что между требуемой заявителями компенсацией и нарушением Конвенции должна существовать четкая причинно-следственная связь и что в соответствующих случаях может быть запрошена компенсация за потерю заработков. Кроме того, в силу Правила 60 Регламента Суда любое требование о справедливом удовлетворении должно быть детализировано и представлено в письменной форме вместе с соответствующими подтверждающими документами или квитанциями, а «несоблюдение этого может повлечь отклонение Палатой требования целиком или частично». (см. *Imakayeva*, cited above, § 213).

120. Учитывая сделанные выше выводы, несомненно, существует прямая причинно-следственная связь между нарушением Статьи 2 в отношении родственника второй, четвертой и шестой заявителей и потерей ими финансовой поддержки, которую он мог бы обеспечить.

121. Принимая во внимание утверждения заявителей и тот факт, что Асланбек Астамиров был безработным на момент задержания, Суд присуждает второму, четвертому, пятому и шестому заявителям совместно 12.000,00 евро в возмещение материального ущерба плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы.

В. Возмещение морального вреда

122. Заявители потребовали различные суммы от 5000 евро до 50 тысяч евро каждому в качестве компенсации морального вреда за страдания, которым они подверглись в результате потери члена их семьи и проявленного властями безразличия в связи с этим.

123. Правительство сочло запрошенные суммы компенсации завышенными.

124. Суд признал нарушение Статей 2, 5 и 13 Конвенции в части безвестного задержания и исчезновения родственника заявителей. Сами заявители были признаны жертвами нарушения Статьи 3 Конвенции. Поэтому Суд признает, что им был причинен моральный ущерб, который не может быть компенсирован одним лишь фактом признания нарушений прав. Суд присуждает заявителям 35.000,00 евро совместно, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы.

С. Издержки и расходы

125. Заявителей представляла организация «Правовая инициатива по России». Они подали перечень понесенных издержек и расходов, включая исследования и интервью в Ингушетии и Москве по ставке 50 евро в час за составление юридических документов для внутригосударственных органов власти и по ставке 150 евро в час за подготовку замечаний в Суд. Общая требуемая сумма в части расходов и затрат по официальному представлению интересов заявителей составила 7.903,00 евро.

126. Правительство оспорило разумность и обоснованность таких расходов. Оно задало вопрос, в частности, о том, все ли юристы, работающие в “Правовой инициативе по России”, были задействованы в подготовке данного дела, и было ли заявителям необходимо пользоваться услугами курьерской почты.

127. Суду, во-первых, необходимо установить, действительно ли имели место расходы и издержки, указанные представителями заявителей, и, во-вторых, являлись ли они необходимыми и разумными (см. *McCann and Others*, приведено выше, § 220, Series A №324).

128. Принимая во внимание детализацию представленных сведений и контракты на оказание услуг по официальному представлению интересов, заключенные между «Правовой инициативой по России» и первым, третьим и шестым заявителями, Суд считает указанные ставки оплаты разумными и отражающими фактические расходы, понесенные представителями заявителей.

129. Далее Суд должен установить, действительно ли расходы и издержки, понесенные в связи с ведением дела в Суде, были необходимы. Суд признает, что данное дело было относительно сложным и требовало определенной исследовательской и подготовительной работы.

130. Учитывая детализацию требований, поданных заявителями, Суд присуждает им сумму в размере 7.903,00 евро, плюс НДС, если он начисляется на данную сумму, которые подлежат уплате на счет банка представителей в Нидерландах, указанный заявителями.

D. Выплата процентов

131. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Отклоняет* предварительное возражение Правительства;
2. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 38 § 1 (а) Конвенции в части отказа Правительства предоставить запрошенные Судом документы;
3. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в отношении Асланбека Астамирова;
4. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в части непроведения эффективного расследования обстоятельств исчезновения Асланбека Астамирова;
5. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении заявителей;
6. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 5 Конвенции в отношении Асланбека Астамирова;

7. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статьи 2 Конвенции;
8. *Постановляет*, что нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений статей 3 и 5;
9. *Постановляет*, что не имеет место нарушение Статьи 14 Конвенции;
10. *Постановляет*
 - (a) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, произвести следующие выплаты:
 - i. 12.000,00 (двенадцать тысяч евро), конвертируемые в российских рублях по курсу на дату выплаты, плюс любые налоги, в качестве компенсации материального ущерба второму, четвертому, пятому и шестому заявителям совместно;
 - ii. 35.000,00 (тридцать пять тысяч евро), конвертируемые в российских рублях по курсу на дату выплаты, плюс любые налоги, в качестве компенсации морального ущерба заявителям совместно;
 - iii. 7.903,00 (семь тысяч девятьсот три евро), в оплату издержек и расходов заявителей плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате заявителями, на счет банка представителей заявителей в Нидерландах;
 - (b) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;
11. *Отклоняет* оставшуюся часть жалобы заявителей о справедливом возмещении.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 26 февраля 2009 года в соответствии с Правилем 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Серен Нильсен, секретарь Секции,

Кристос Розакис, Председатель